

Нам представляется, что словообразовательный или грамматический характер корреляции не зависит от количества оппозиций. Корреляция *куж* — *кумовья*, *сын* — *сыновья* представлена едва ли не этими двумя парами, между тем она имеет грамматический характер, если, конечно, корреляция по категории числа признается грамматической. Не число оппозиций определяет грамматический или словообразовательный характер тех или других корреляций, а характер членов этих корреляций. Членами корреляции могут быть такие два словесных образования, которые являются разными словами, таковы *работник* : *работница*. Членами корреляции могут быть разные формы одного слова, таковы *стол* : *столу*, *стол* : *столам* и т. п.

Решение вопроса о грамматическом или словообразовательном характере корреляции зависит от того, какие образования считать разными словами и какие — разными формами одного слова. Решение этого вопроса зависит не от количества оппозиций, а от принятого взгляда на форму слова.

По нашему мнению, два разных словесных образования являются разными формами одного слова, если их различия

выражают различия по меньшей мере по двум грамматическим категориям; таковы *куж* — *кумовья*. Различие в словесном облике этих слов выражает различие по категории падежа и числа. Грамматический характер этой оппозиции не зависит от малочисленности или многочисленности соответствующих пар. Два разных словесных образования являются разными словами, если различие в словесном облике этих слов выражает различие по одной категории; таковы *работник* — *работница*. Таким образом, словообразовательный или грамматический характер корреляции зависит не от численности соответствующих пар, а от того, какие факты языка образуют данную корреляцию, т. е. являются ли членами данной корреляции разные формы одного слова или разные слова.

Разработка проблем семиотики с позиции лингвистики имеет большое значение как для семиотики, так и для лингвистики. Выход рецензируемой книги, написанной лингвистом, будет способствовать разработке семиотического подхода к исследованию естественных языков.

**Г. П. Ломтев**

**З. Г. Абдуллаев.** Очерки по синтаксису даргинского языка. — М., изд-во «Наука», 1971. 479 стр.

«Очерки по синтаксису даргинского языка» написаны в духе традиционного «формального синтаксиса», в основе которого лежит принцип анализа «от формы к значению» («традиционное» в применении к рецензируемой книге весьма условно, поскольку «Очерки» представляют собой первое монографическое исследование синтаксиса даргинского литературного языка).

З. Г. Абдуллаев сумел выступить в дагестановедении с фундаментальной и весьма оригинальной работой, написанной на базе достоверных языковых фактов. Синтаксический механизм даргинского языка, на наш взгляд, представлен в этом труде таким, каким он есть в действительности. Благодаря тому, что автор последовательно строит свои теоретические положения только на базе имманентных структур описываемых единиц, даже известные и уже давно ставшие традиционными синтаксические понятия обрели применительно к даргинскому языку (да и не только к нему) новое содержание. Свою концепцию, основанную достоверными фактами, автор сумел провести через всю работу весьма последовательно. Оригинальность этой авторской концепции видна, например,

начиная с четко продуманной композиции работы и кончая анализом и выводами по важным в теоретическом отношении синтаксическим явлениям.

Композиционно рецензируемая книга состоит из трех частей, предваряемых кратким общим предисловием («От автора», стр. 3—7): I «Простое предложение» (стр. 8—290), II «Осложненное предложение» (стр. 291—380) и III «Сложное предложение» (стр. 381—462). Уже само по себе это членение ново и оригинально, так как в даргинском языкознании до появления труда З. Г. Абдуллаева вопрос об осложненном простом предложении не ставился.

Остановимся, прежде всего, на некоторых вопросах, которые поставлены и решены в I, самой обширной части, посвященной простому предложению, — тем более, что все решения принципиальных вопросов простого предложения (синтаксическая связь, члены предложения, структурно-типологические свойства предложения и т. д.), как видно из «Очерков», в одинаковой мере относятся и к двум другим типам предложения: осложненному и сложному.

Начиная I часть с определения самого понятия предложения, автор исходит

из того мнения, что предметом синтаксиса является предложение, а словосочетание представляет собой «строительный материал» предложения. Краткий обзор наиболее устоявшихся (по мнению автора) определений предложения, принадлежащих крупнейшим отечественным и зарубежным ученым, заканчивается ясным изложением авторского понимания описываемого синтаксического понятия. З. Г. Абдуллаев считает необходимым отразить в определении предложения «пять основных признаков: 1) законченность мысли, 2) своеобразие строя мысли, 3) грамматическая оформленность, 4) своеобразие грамматической оформленности по законам конкретного языка, 5) интонационная законченность» (стр. 23—24). В результате определение предложения формулируется так: «...по законам конкретного языка грамматически оформленная и интонационно законченная целостная единица речи, служащая средством формирования, выражения и сообщения мысли (при отражении своеобразия ее строя), есть предложение» (стр. 24).

В этом определении предложения отражена идея А. А. Потебни о том, что языки различаются «не одной звуковой формой, но всем строем мысли»<sup>1</sup>. В других определениях предложения эта идея не имеет своего отражения, хотя трудно отрицать ее принципиальное значение.

Из вопросов, рассматриваемых в I части работы, коснемся лишь, на наш взгляд, наиболее существенных. В разделе о типах предложения по модальности (стр. 41—60) обращает на себя внимание то, что автор, в отличие от других исследователей, наряду с повествовательным, вопросительным и восклицательным предложениями, специально выделяет также пожелательное и повелительное предложения. Отмечается и вкратце характеризуется также наличие у этих типов предложения соотносительных побудительных коррелятов. Необходимость такой дифференциации аргументируется наличием своеобразных грамматических форм, с помощью которых выражаются соответствующие модальные свойства данных предложений.

По своей научной значимости существенными представляются и разделы первой части книги, посвященные синтаксическим взаимоотношениям членов предложения (стр. 61—114), членам предложения (стр. 115—256) и его конструкциям (по форме выражения подлежащего) (стр. 257—290). В первом из названных разделов обстоятельному анализу подвергаются не только взаимоотношения главных членов предложения, но и взаимоотношения между ними и второстепенными

членами, а также между самими второстепенными членами. И здесь традиционные понятия синтаксиса наполняются новым, оригинальным содержанием. Для характеристики синтаксической связи, осуществляемой через признаки грамматических категорий класса и лица, автор считает наиболее подходящим понятие координации, предложенное на материале иберийско-кавказских языков в трудах А. С. Чикобава. Устанавливаются (применительно к даргинскому и другим языкам) определенные виды координации, для этого широко используются понятия «классной координации», «личной координации», «префиксальной координации», «суффиксальной координации», «односторонней координации», «двусторонней координации», «координации равноправных членов», «координации неравноправных членов» и т. д. Представляет интерес вывод о том, что «в даргинском языке нельзя во всех случаях координацию относить к подчинительной связи. В одном случае она выступает как взаимная координация равноправных членов предложения, а в другом — как один из видов подчинительной связи» (стр. 103).

Управление и примыкание как виды подчинительной связи имеют в даргинском отличительные особенности. Описывая их, автор впервые вводит понятия «координируемого управления», «некоординируемого управления», «координируемого примыкания», «некоординируемого примыкания» (стр. 107—114).

Анализ синтаксической связи, характера и своеобразия этой связи служит для автора как бы исходным пунктом при анализе и определении сущности членов предложения. Разделяя члены даргинского предложения на главные и второстепенные, З. Г. Абдуллаев главными считает те члены, которые располагают тем или иным (классным или личным, префиксальным или суффиксальным, односторонним или двусторонним) видом взаимной координации: это подлежащее, объект и сказуемое. Отношения между этими членами характеризуются как взаимная координация равноправных членов. Анализируются также формы выражения этих членов предложения. Отмечается, в частности, что подлежащее в даргинском языке может быть выражено тремя разными формами: именительного, эргативного и дательного падежей, в то время как выразителем объекта выступает лишь форма именительного (иначе: «абсолютного») падежа. Заметим, что предпочтение, отдаваемое автором «Очерков» виду синтаксической связи, осуществляемой посредством морфологических показателей (класса, лица и числа) при определении членов предложения (главных и второстепенных), может быть квалифицировано как реализация формально-грамматического подхода к анализу синтаксических единиц.

<sup>1</sup> А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 69.

Существенным для синтаксической структуры даргинского языка представляется четко и последовательно проводимое автором отграничение грамматических понятий «подлежащего» и «объекта» от семантических категорий «субъекта действия» и «объекта действия». Основой дифференциации этих грамматических и семантических категорий является наличие или отсутствие грамматически выраженной связи между выразителями этих понятий и формой выражения понятия сказуемого. В результате устанавливается, что упомянутые грамматические и семантические категории не всегда обнаруживают полное тождество. Согласно концепции З. Г. Абдуллаева, там, где субъект действия располагает классной или личной суффиксальной координацией с глаголом-сказуемым, он является тождественным грамматическому подлежащему. Там, где такой координации нет, субъект действия и грамматическое подлежащее не могут быть идентифицированы. Эти же принципы лежат в основе дифференциации понятий грамматического объекта и семантического объекта действия, разграничение которых проводится на основе наличия или отсутствия префиксальной координации.

Если специфика подлежащего определяется на базе грамматически выраженной связи глагола-сказуемого, то конструктивная типология предложения устанавливается в зависимости от падежной формы выражения подлежащего. Таким путем выявляется наличие в даргинском языке трех конструкций предложения (номинативная, эргативная и дативная).

Особый интерес представляет здесь точка зрения автора на сущность эргативной конструкции предложения. «Справедливо полагая, — пишет автор, — что морфологические структуры разных языков не могут быть одинаковыми, а своеобразие морфологической структуры обуславливает своеобразие синтаксической структуры, едва ли будет правомерно в то же время утверждать, что во всех кавказских языках существуют одинаковые по своему содержанию эргативный падеж и эргативная конструкция предложения» (стр. 4). «Наличие общих реалий отнюдь не говорит о единстве структур разных языков. Поэтому, в частности, положение о том, что все кавказские языки являются языками эргативной конструкции предложения, нуждается в уточнении» (там же). Общность кавказских языков автор предлагает характеризовать понятием «эргативного строя», а не понятием «эргативной конструкции предложения», так как в каждом самостоятельном языке природа последнего может иметь специфические особенности. Например, принято говорить об эргативной конструкции предложения в лакском языке, хотя известно, что в этом языке нет эргативного падежа и вместо

него здесь выступают формы именительного и родительного падежей. Местоимения 1 и 2-го лиц в табасаранском также не имеют эргативного падежа, и взамен него здесь функционирует чистая основа. Тем не менее, конструкцию предложения с этими местоимениями квалифицируют в качестве эргативной. По мнению З. Г. Абдуллаева, в аварском эргативный падеж не получает координации глагола-сказуемого, но, несмотря на это, некоторые исследователи находят возможным считать такой глагол переходным, а имя в эргативе — подлежащим и т. д.

По мнению автора, эргативной следует называть лишь такую конструкцию предложения, в которой субъект и объект действия имеют различные друг от друга самостоятельные падежные формы своего выражения — эргативный падеж для имени субъекта действия и именительный падеж для имени объекта действия, причем первый из них должен быть связан с глаголом-сказуемым суффиксальной личной или классной координацией, а второй — префиксальной классной координацией. В отличие от всех других дагестанских языков, именно такой конструкцией располагает даргинский язык. Беря указанный тип даргинского построения за основу определения эргативной конструкции предложения, автор предлагает по-иному характеризовать все различные от него построения как даргинского, так и других дагестанских языков. Что же касается других дагестанских языков, в частности, тех из них, которые располагают лишь классным или «бесклассно-безличным» (А. С. Чикобава) спряжением глагола и в силу этого лишены двусторонней координации сказуемого, то применительно к этим языкам, по мнению автора, теория П. К. Услара представляется вполне корректной.

Эргатив в дагестанских языках не является однородным понятием как по форме, так и по связи с глаголом-сказуемым. Он может быть координированным и некоординированным. Приравнивать координированный эргатив субъекта действия даргинского языка к косвенному (или творительному индоевропейских языков) падежу так же неверно, как неверно приравнивание некоординированного эргатива указанных языков к прямому (или именительному индоевропейских языков) падежу. По мнению автора «Очерков», некоординированный эргатив, независимо от передаваемого им логического понятия, является косвенным падежом как морфологически, так и синтаксически. В отличие от него, эргатив координированный — синтаксически такой же прямой падеж, каким является именительный.

Трудно отказать в принципиальной новизне этой концепции об эргативе и эргативной конструкции предложения. Можно с нею соглашаться, можно и спо-

рять, но представляется несомненным одно: она имеет право на существование в науке.

Новая точка зрения сформулирована в «Очерках» и относительно синтаксического функционирования причастных, деепричастных и масдарных словосочетаний: они признаются осложненными членами простого предложения. В дагестанском языкознании эти словосочетания обычно трактуются как своего рода придаточные предложения (или иначе: «недостаточные» придаточные предложения, придаточные предложения «особого типа») в составе сложноподчиненного предложения. Поводом для такой трактовки служит способность этих словосочетаний передавать значения русских придаточных предложений («переводческий метод»). На этой же основе в отдельных случаях даже вовсе отрицается наличие подлинных придаточных предложений в дагестанских языках, а их функции целиком передаются упомянутым отглагольным словосочетаниям. Тем самым семантические категории субъектно-объектно-предикатных отглагольных словосочетаний отождествляются с грамматическими категориями главных членов предложения, при этом первым приписываются несвойственные им категории предикативности (время, модальность, лицо, именной класс).

В рецензируемой книге З. Г. Абдулаев впервые в дагестанском языкознании выступает с обоснованием точки зрения, согласно которой указанные отглагольные словосочетания в даргинском не могут считаться придаточными предложениями в составе сложноподчиненного, а являются осложненными членами простого предложения. Семантическая адекватность отглагольных словосочетаний придаточным предложениям отнюдь не означает единства их грамматических структур: напротив, они коренным образом отличаются друг от друга. Отглагольные словосочетания не имеют и не могут иметь по своей природе ни признаков предикативности, ни соответствующей семантической законченности, без чего немыслимо никакое предложение. К этим важным выводам автор приходит в результате анализа как самих структурных признаков отглагольных словосочетаний дагестанских литературных языков, так и противоречий в их трактовке, обнаруживаемых в научной и учебной литературе по этим языкам.

Третья, последняя, часть книги «Сложное предложение» (стр. 381—462), ценна, на наш взгляд, не только тем, что многие вопросы ставятся в ней впервые, но и тем, что в ней наглядно показана ошибочность мнения, согласно которому вовсе отрицается наличие сложноподчи-

ненных предложений как в даргинском, так и вообще в дагестанских языках. В рецензируемой книге выявлены и обстоятельно проанализированы многочисленные разновидности как сложносочиненного, так и сложноподчиненного предложений. При этом обнаружено немало подчинительных союзов, при помощи которых строятся сложноподчиненные предложения, хотя, по мнению некоторых исследователей, союзы в даргинском якобы не получили развития или вовсе отсутствуют. Все описание строится на языковом материале, извлеченном из многочисленных литературных источников.

Значение рецензируемой фундаментальной монографии в целом трудно переоценить, если учесть, что синтаксис даргинского языка впервые стал объектом специального научного исследования. Взявшись за такую сложную проблему, автор избежал обычных штампов и создал оригинальное по содержанию и композиции исследование, критически осмыслив все, что было сделано до него в этом направлении в дагестанском, особенно в даргинском, языкознании.

Вместе с тем необходимо высказать в адрес рецензируемой книги ряд замечаний и соображений. Прежде всего, содержанию книги более соответствовало бы название «Очерки по синтаксису даргинского литературного языка», чем название, данное в заглавии, поскольку исследованием не охвачены диалекты.

Отсутствие учета и оценки отдельных изданий по иберийско-кавказским языкам в рецензируемой книге, по-видимому, объясняется частично тем, что книга была представлена в печать еще в 1967 г. (т. е. задолго до фактического выхода в свет ряда изданий), и отчасти принципом избирательности в учете и оценке специальной литературы, принятым в «Очерках», но, к сожалению, никаких оговорок на этот счет в книге мы не находим.

Излишне сильно нам представляется негативная сторона при критическом изложении части специальной литературы. Возможно, такое негативное изложение в известной мере оказывается неизбежным при утверждении новых оригинальных идей и положений в науке, но тем не менее целиком и не оправдывается последним.

В целом же рецензируемая книга представляет собой новый этап в разработке синтаксиса даргинского литературного языка и проливает дополнительно свет на решение проблем синтаксической структуры не только дагестанских, но и иберийско-кавказских языков в целом.

Я. Г. Сулейманов